

ВДОЛЬ СТЕН коридора наспех сложены стальные доспехи средневековых воинов. Доспехи эти, по всем приметам, видали виды — измяты ударами мечей и копий, первозданного блеска нет и в помине. Лежат шлемы, колья, обоюдоострые мечи в звонких ножнах... На перилах лестницы, ведущей вниз — тоже доспехи. Кажется, что сейчас из-за угла выйдет рослый воин и преградит путь секирой.

Переход, другая лестница. Теперь — вверх. Из-за приоткрытой двери доносится недоуменный голос:

— Петр Николаевич! Примерьте же, наконец, корону!

Следом из-за двери показывается голова пожилого человека:

— Простите, мне показалось, Частухин идет... Когда же он примерит корону? Вдруг опять не налезет!

Переступаем порог этого помещения и едва не натыкаемся на средневековый войсковой барабан, узкий и высокий. Человек прикоснулся к нему, и барабан загудел.

— Мамаша Кураж останется довольной — звучный получился.

ИЗ ЭТОГО помещения — мастерской бутафоров республиканского драматического театра — не так просто уйти. Добрый час будешь рассматривать:

Представьте себе: со стены на вас кровожадно глазееет голова Змея Горыныча. Кажется, вот-вот из его зубастой пасти вырвется острый язык пламени и раздестся утробное рычание. Слева за каждым вашим движением следит огромное лесное страшилище — филин со светящимися глазами-пешками. С потолка свисает большая хрустальная шкатулка, в которой некогда покоилось яйцо, содержащее в себе смерть Кощея Бессмертного. А сам Кощей злобно смотрит вам в затылок с противоположной стены. И чего здесь только нет!

Откройте невзрачный с виду журнал заказов, и вы будете читать его, как занимательную книгу. Она напомнит вам сказочное детство, время, когда все мы чуть ли не лично были знакомы с драконом, гномами, Соловьем-разбойником... Читаем: нос Бабы Яги, хвост собаки, царская корона, лук со стрелами, ступа с помелом, жезл власти, апельсиновая кожа, глыба золота... И десятки других самых неожиданных предметов. Все они нужны для спектаклей.

— Никогда не думал, что так трудно делать мясо, — говорит старший бутафор Лев Николаевич Фотиев. — Замучился, пока получилось что-то «сведебное».

Это синтетическое «сведебное» приготовлено для нового спектакля по пьесе Б. Брехта «Мамаша Кураж и ее дети». Изделие бутафоров вполне можно принять за настоящую аппетитную грудку. Все здесь — и экзотические восточные сосуды, и короны, и маски — сделаны с большим искусством. Бутафория — это, собствен-

но, искусство. К нам идут смотреть спектакль, а не изучать театральную кухню. Когда велогонщик устанавливает рекорд, вы ведь не делите славу между ним и изготовителями велосипеда.

Помолчав, он добавляет:

— А все же, признаться, меня подмывает после одного из спектаклей вывести на сцену, к зрителям наших трудолюбивых «невидимок» и сказать о них несколько теплых слов...

Возможно, когда-нибудь он это и сделает. Право же, этого заслу-

жили бы художник-исполнитель Феликс Панюков, который один из спектаклей оформил самостоятельно, В. А. Овчинников из подделочного цеха, театральные портные Н. А. Фомин, М. И. Распутина, парикмахеры М. С. Ключкова и ее дочь Рита, машинист сцены Ариадий Сорокин, осветитель Борис Пономарев и другие. Говорят, трудно было бы заманить на сцену, скажем, скромного «радиобоба» Мишу Костромина. Что касается радио, он умеет все, как утверждают в театре. А вот принимать похвалы не научен.

После каждого посещения театра мы уносим с собой образ спектакля, созданный оформлением. И ведь бывают же случаи, когда этот образ оказывается сильнее, чем впечатление от игры актеров.

— **ГОСПОДИ**, час до генеральной репетиции! — трагически произносит кто-то из актеров. — И ничего не готово. Что творится, что творится!..

И не только ему кажется, что генеральная сорвется. В последний момент вдруг обнаруживается, что забыли сделать и то, и это... Десятки мелочей, без которых никак не обойтись.

— Товарищи, ну что мне сшить! — чуть не плача, говорит одна актриса. — Мне же не идет синее, я не могу в этом играть!

— Голубушка, голубушка, мы же с вами говорили об этом. К декорациям подходит именно синее.

— Но почему я должна подстраиваться! — всхлипывает актриса.

— Да ведь иначе вы растворитесь, понимаете? Ну, успокойтесь...

— **Внимание!** — раздается, наконец, властный голос, и усиливается грохот доспехов, и становятся торпливее движения одевающихся, и куда-то исчезают те самые десятки неполадок, из-за которых, казалось, будет сорвана генеральная репетиция. Оказываются декораторы, бутафоры, режиссеры, портные предусмотрели все. Они как всегда сработали четко.

— **Внимание!**

Законанные в латы воины перестают спотыкаться о барабан мамаш Кураж, актриса в синем обретает спокойствие мадонны с младенцем. Все готово. Занавес величаво раздвигается...

А в мастерских и цехах театра — привычный, размеренный ритм работы. Создается материальная часть к следующему спектаклю. Николай Александрович Фомин прилаживает воротник к полубудку главной героини пьесы Э. Володарского «Самая счастливая», в подделочном цехе лют электропилой, рубанки.

...Из-за двери показывается голова пожилого человека:

— Петр Николаевич, наконец-то! Вот ваша корона. Примерьте, пожалуйста.

П. СТОЛПОВСКИЙ.

Зам. редактора
В. А. НОВОСЕЛОВ.

РЕПОРТАЖ

ПРИМЕРЬТЕ КОРОНУ

но, подделки. Но подделки эти не терпят фальши.

В одном из сел республики, куда артисты выезжали на гастроли, был однажды такой каверзный случай. По ходу действия актеры распивали «водку». После спектакля к ним за кулисы пришел зритель и заявил, что мутноватая жидкость вовсе не похожа на водку.

— Позвольте, — сказали ему, — вы же знаете, что это не настоящая водка!

— Конечно, знаю. Но все равно водка такой мутной не бывает, она светлая, как это... бабьи слезы...

Вот так. Даже здесь не прошла малейшая фальшь. Настоящее должно полно имитировать вещи, за которые его выдают.

КОГДА мы аплодируем актерам за высокую игру, никто, пожалуй, не думает о незримых рабочих сценах. Хотя без них нет театра. Когда мы говорим о режиссуре, музыкальном оформлении спектакля, разбираем его сюжетные коллизии, мы не учитываем, что успех зависит и от портных, режиссеров, одевающихся. Без них бессилён самый блестящий режиссер. Разумеется, невидимые зрителям люди не остаются без слов благодарности, однако самый постоянный завсегдатей театра подчас ничего не знает о них.

— Собственно, это закономерно, — говорит главный режиссер театра Иван Иванович Аврамов. —

живают художник-исполнитель Феликс Панюков, который один из спектаклей оформил самостоятельно, В. А. Овчинников из подделочного цеха, театральные портные Н. А. Фомин, М. И. Распутина, парикмахеры М. С. Ключкова и ее дочь Рита, машинист сцены Ариадий Сорокин, осветитель Борис Пономарев и другие. Говорят, трудно было бы заманить на сцену, скажем, скромного «радиобоба» Мишу Костромина. Что касается радио, он умеет все, как утверждают в театре. А вот принимать похвалы не научен.

— **ДАЙТЕ** МНЕ такое задумчивое настроение! — кричит режиссер, стоя в центре сцены.

Вспыхивает мягкий свет.

— Нет, нет, меня склоняет к лени! — недоволен режиссер. — Вы заставляете меня задуматься!

Осветители манипулируют фильтрами, перемещают лучи света. На это уходят часы, даже дни, пока они не находят «такое задумчивое» или веселое настроение. Это же настроение ищут декораторы, музыканты, костюмеры. Все должно быть подчинено единому дыханию.

Мало кто знает, что кроме обычных репетиций существуют еще и монтажные, когда весь спектакль проходит... без актеров. Игруют свет, декорации, бутафория. И вы без особого труда могли бы угадать, что в этот, например момент, герой, будет произносить свой пламенный монолог, а сейчас развернется ди-